

В. А. Гавриличев

ЯКОБИНЦЫ и ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ НАЛОГИ на БОГАТЫХ весна—осень 1793 года

**В сб. «Французская революция XVIII в.: экономика, политика, идеология»
М.: Наука. 1988. С.129-147.**

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* 2009

Изучение социальной политики якобинцев 1793 г. имеет первостепенное значение для понимания их роли в революции. Историки-марксисты (Н.М.Лукин, А.В.Адо, А.Собуль и др.) плодотворно изучали аграрный и продовольственный аспекты социальной политики якобинцев. Что касается принудительных налогов на богатых, то этот не менее интересный аспект их деятельности до сих пор специально почти не изучался.

Цель данной статьи — кратко осветить некоторые вопросы формирования и развития якобинской политики нажима на богатых.

Необходимость в принудительных налогах на богатых стала очевидной для многих французов зимой 1792-93 г в суровых условиях войны, блокады, экономического кризиса, разгула инфляции и роста цен. Материальное положение народных масс Франции заметно ухудшилось, в то время как прибыли богачей — банкиров, финансистов, крупных торговцев, поставщиков и др. — возрастали. Эту атмосферу наживы довольно верно оценил вождь демократов-якобинцев Максимилиан Робеспьер: «Народ страдает... Он продолжает подвергаться преследованиям со стороны богатых, а богачи остаются такими же, какими они были всегда, то есть жестокими и безжалостными, — говорил он в Якобинском клубе 25 февраля 1793 г., — Он видит, какое богатство они накапливают в своих руках, он чувствует свою нищету».¹

Возлагая ответственность за трудности и лишения на правящую Жиронду как защитницу «богачей-эгоистов», скупщиков, спекулянтов, народные массы стремились к «подлинному равенству», подразумевая под этим уничтожение нищеты, максимум цен, равенство в пользовании благами, равенство в распределении тягот войны и др. Ремесленники, рабочие, мелкие торговцы, разоряющаяся мелкобуржуазная интеллигенция и другие категории санкюлотов настойчиво требовали, чтобы «трусливый богач», «богач-эгоист» столь же активно участвовал в защите республики, как и санкюлот. На практике это означало, что имущие слои. Должны были жертвовать частью своих доходов («излишков») на экипировку волонтеров, на нужды их семей и помощь «неимущему классу», т.е. платить своеобразный военный налог.

В пользу такого военного налога на собственников с годовым доходом свыше 1,5 тыс. ливров высказалась на заседании Конвента 9 марта 1793 г. депутация демократической секции Гравилье (там жил лидер радикальной группы «бешеных» Жак Ру).² Необходимость военного налога на этом же заседании поддержал якобинец, прокурор коммуны Парижа Шометт. Он сказал: «Неимущий класс постоянно приносит жертвы, все, даже свою кровь отдает в войне за дело свободы. Пора богачу эгоисту разделить бремя, тяжесть которого до сих пор нес только бедняк! Мы требуем обложить этот класс людей военным налогом».³

По предложению якобинца Тюрио, близкого к Дантону, Конвент 9 марта формально (как тогда говорили, в принципе) одобрил принудительный военный налог на богатых. Однако конкретный декрет из-за нежелания буржуазно умеренных депутатов Жиронды и «болота» не был издан.

На следующий день, 10 марта, под влиянием тревожных сообщений с фронта (неприятель занял Льеж, положение французских войск в Бельгии ухудшилось и т.п.). Конвент принял решение о посылке в провинцию в качестве комиссаров 82 депутатов — в основном Горы, частично «болота» - для ускорения 300-тысячного набора волонтеров Дантон призвал комиссаров потребовать богатых «презренных трусов» средства на защиту республики ибо у народа есть только кровь, которую он проливает.⁴

В течение марта — апреля в Конвент шли донесения комиссаров с мест. Так, Пошоль и Саладен — из числа довольно умеренных - сообщали 26 марта и 14 апреля о пламенном патриотизме населения некоторых городов департамента Нижняя Сена (Нормандия), в том числе жителей Невшателя, где много одежды, снаряжения для волонтеров пожертвовали преимущественно наименее зажиточные слои, в местечке Сен-Валери неимущие семьи, бедняки по сантиметру собрали 900 ливров на защиту революции.⁵ А богачи и крупные собственники? Комиссары умалчивают о них. В донесениях глухо говорится об «антигражданском поведении» в ряде мест департамента Сомма (Пикардия). Но кто вел себя антиграждански? Можно лишь догадываться, что это были богачи, принуждать которых к оплате набора волонтеров Пошоль и Саладен не проявили рвения.

Комиссар якобинец Изабо сообщал 22 апреля о завершении набора волонтеров в департаменте Верхние Пиренеи. Он особо отмечал «редкие таланты и энергию в проведении набора гражданина Жюльена» — 18-летнего якобинца, будущего доверенного лица Робеспьера. Сам Жюльен признавался, что успеху набора меньше всего способствовали «богатые торговцы, порядочные люди - добродетельные санкюлоты, только они одни умеют приносить жертвы и проявлять великодушный энтузиазм».⁶

Итак, в департаментах Нижняя Сена и Верхние Пиренеи (Северо Запад и Юг) материальные убытки при наборе несли в основном санкюлоты, а не богатые, зажиточные граждане несправедливость очевидная и вопиющая.

Эта картина типична и для департаментов Запада и Центра. Депутаты якобинцы Гупийо и Тальен сообщали Конвенту 21 марта в департаменте Эндр и Луара простые люди отдают хлеб для волонтеров, богачи же прячутся и не отдают части доходов. Комиссары просили Конвент ускорить способ взимания военного налога. «Все добрые граждане с нетерпением ожидают принятия этого закона», — подчеркивали они в донесении.⁷

Якобинцы Колло д'Эрбуа и Лапланш сообщали 22—24 апреля, что в департаментах Ньевр и Луаре их надежда на добровольные пожертвования богачей в пользу семей волонтеров не оправдалась, богатые буржуа, умеренные уклонились от платежей. Им пришлось прибегнуть к угрозе и выставить гильотину, что сразу принесло «полный успех» Колло и Лапланш рекомендовали Конвенту срочно издать «ясные декреты» о военном налоге, о помощи семьям волонтеров и неимущим, о «соответствии цены на хлеб зарплате трудящегося».⁸

Как мы видим, в отличие от Гупийо и Тальена, пассивно ждавших указаний «сверх», Колло и Лапланш (будущие левые якобинцы) были более активны.

Максимилиан Робеспьер, обобщая зачитанные в Конвенте донесения комиссаров, с полным основанием говорил о «щедрых жертвах бедных и постыдной скупости богатых».⁹ Необходимо было, учитывая донесения комиссаров, безотлагательно заставить богатых финансировать набор волонтеров и помощь их семьям, смягчить нужду санкюлотов. В этом направлении очень свое временный и важный шаг сделали демократы департамента Эро в середине апреля 1793 г.

Получив задание мобилизовать 5 тыс. волонтеров, якобинцы и демократы администрации департамента Эро (Брюне, Дева, Жубер и др.) самостоятельно, без санкции Конвента, в чрезвычайном революционном порядке объявили на территории департамента принудительную подписку на заем в 5 млн ливров. В итоге военный налог был собран за три дня; деньги пошли на экипировку волонтеров, на нужды их семей.¹⁰

Эбер в газете «Пер Дюшен» (5 мая 1793 г.) одобрил инициативу администрации департамента Эро. В Конвенте о решительных действиях патриотов Эро стало известно 27 апреля, когда якобинец Камбон огласил письмо Брюне, Жубера, Дева (от 19 апреля), в котором они предложили поддержать и распространить по всей республике их опыт. В письме отмечалось, что принудительный заем гораздо важнее редких добровольных пожертвований, что он поможет вернуть в кассы департаментов большую масс ассигнатов, окажет положительное влияние на экономику и торговлю, усилит патриотизм у санкюлотов.¹¹

Дантон, фактический лидер Комитета общественного спасения, на заседании 27 апреля энергично поддержал послание патриотов департамента Эро. Он подчеркнул, что принудительный налог не «аграрный закон», не разграбление собственности (в чем постоянно обвиняли якобинцев жирондисты), а разумная мера. Польза от нее не только волонтерам, но и самим богачам: «...обложив военным налогом крупного землевладельца и капиталиста, мы тем самым привяжем его к революции, сохраним его имущество».¹²

Гора и «болото» аплодировали Камбону и Дантону, Конвент одобрил инициативу патриотов Эро и рекомендовал ее всем департаментам. Разумеется, не красноречие Дантона заставило буржуазных депутатов «болота» и некоторых жирондистов голосовать «за». Их, боявшихся «покушения на собственность», вынуждало к этому серьезное ухудшение положения республики: измена генерала Дюмурье, поражение французов в Голландии, вандейский мятеж — кровоточащая рана на теле республики, падение курса ассигнатов (в Страсбурге — на 75%), рост цен, острая нехватка хлеба в самом Париже (вместо месячной нормы — 60 тыс. мешков муки — Париж получил в марте 21292 мешка, в апреле — лишь 18555).¹³

Камбон, главный финансист Конвента, был сторонником принудительных мер. Еще в начале 1793 г. он говорил, что система принудительных налогов на богатых — «самая благоразумная и наиболее сообразная с нашими принципами, так как именно подобными мерами вы будете осуществлять то равенство, которое некоторые люди (т.е. жирондисты. — В.Г.) желали бы выдать за химеру».¹⁴ Что касается Дантона, в его патриотизме была своя логика: будучи представителем новых собственников, он хорошо понимал, что лучше пожертвовать частью доходов, нежели в случае победы интервентов и аристократии потерять не только имущество, но и голову, но Дантон заблуждался, полагая, будто после принудительного изъятия части доходов все богатые чуть ли не полюбят революцию. Он в известной мере идеализировал старую и новую буржуазию, недооценивал ее классовый эгоизм, страсть к корысти и антипатриотизм большинства крупных собственников.¹⁵ Защитник плебейства Жак Ру критиковал эти представления Дантона, он писал: «Ошибочно думать, что подлецы, которые обязаны своим положением и богатством только интригам, что эти люди полюбят революцию».¹⁶

3 мая коммуна Парижа приняла постановление о принудительном займе на богатых в 12 млн ливров—для оплаты набора добровольцев, пожелавших выступить против вандейцев.

Постановление коммуны от 3 мая — яркий документ якобинской политики нажима на богатых. Им санкционировалось взимание налога революционными комитетами секций, роль этих новых органов власти в жизни столицы возрастала. Имущие в три приема отдавали часть доходов (без компенсации), в случае отказа платить требуемую сумму революционный комитет имел право конфисковать и продавать все имущество саботажника (движимое и недвижимое).

В. А. Гавриличев

ЯКОБИНЦЫ и ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ НАЛОГИ на БОГАТЫХ

весна—осень 1793 года

Vive Liberta и Век Просвещения 2009

Военный налог, введенный 3 мая, шадил мелкую буржуазию — важную опору Горы. Статьей 7 постановления коммуны революционным комитетам запрещалось облагать налогом тех граждан, у которых «доходов хватает лишь на необходимое» Это необходимое было определено следующим образом: для отца семейства доход в 1,5 тыс., для членов семьи — 1 тыс. ливров. Все граждане, имевшие «излишки», т. е. доходы свыше 1,5 тыс., облагались налогом: мелкий собственник, например, с годовым доходом 1 — 2 тыс. ливров платил 30 ливров, с доходом 2—3 тыс. — 50, с доходом 4—5 тыс. — 300 ливров. Вся тяжесть военного налога падала на зажиточных и богатых: при доходе 20—30 тыс. они платили 10 тыс., при доходе 40—50 тыс. — 20 тыс., при доходе 100 тыс. — 70 тыс. ливров 17 и т.д. На специальном совещании комиссаров секций и коммуны в Епископстве 16 мая было подчеркнуто, что принудительный налог «должен взиматься только с богатых».¹⁸

Четкая антибуржуазная направленность военного налога вызвала одобрение парижских ремесленников, рабочих, мелких торговцев и др. И столь же понятную ненависть богатых — банкиров, поставщиков, крупных торговцев, спекулянтов. В секциях по вопросу о сборе налога развернулась борьба между санкюлотами и имущими верхами, умеренными, «аристократами» Сопrotивние богатых сравнительно быстро было сломлено в секциях Кенз-Вен, Попенкур, Гравилье, Ломбар и др., где в общих собраниях и революционных комитетах преобладали демократические силы

Секция Попенкур уже 8 мая закончила сбор налога, обещав каждому волонтеру 100 ливров премии 400 ливров после возвращения из Вандеи, 20 су (1 ливр) ежедневной помощи семье и пи близким волонтера.¹⁹

Сопrotивление богатых было упорным в секциях, тяготеющих к Жиронде, где в общих собраниях и секционных бюро перевес имели умеренно буржуазные силы (Май, Лепелетье, Единства и др.) Под влиянием Жиронды упорно сопротивляюсь «гнусном налогу», «инквизиторской и тиранической операции», «беззаконию» секция Лепелетье (7 мая).²⁰ В секции Единства банкиры крупные торговцы, нотариусы, опираясь на «золотую молодежь» сорвали (3—6 мая) сбор принудительного налога. Они захватили бюро секции, разогнали революционный комитет, закрыли и опечатали помещение комитета. Вожак умеренных произнес злобную речь против Шометта.²¹

В секции Май умеренные лидеры противились налогу, ссылаясь на «деспотизм» коммуны (за это их хвалила 19 мая газета Бриссо «Французский патриот»). После острой критики санкюлотами позиции крупной буржуазии на общих собраниях этой секции (21—22 мая) умеренные вожаки, хотя и неохотно, все же объявит сумму вознаграждения волонтерам за счет богатых.²²

Лидеры Горы энергично защищали проведение займа в секциях Парижа Дантон с трибуны Конвента 8 мая призыва! «Богач должен отдать свое золото, ибо он недостойн бороться за свободу. В секциях есть группы капиталистов, пусть граждане выжмут из этих „губок“ все возможное!»²³ Шометт и члены Генерального совета коммуны посылали комиссаров и полицию в секции, помогая санкюлотам брать верх над умеренными (так был восстановлен 7—9 мая революционный комитет в секции Единства, а виновные в его разгоне арестованы, комитет ревностно взялся за сбор займа) Марат осуждает жирондистов, считая их интриганамн. Он говорил 27 мая в Конвенте: «Призываю вас устыдиться, если только стыд еще может проникнуть в ваши сердца! С момента введения принудительного займа на богатых вы пытаетесь посеять вражду между секциями Парижа».²⁴

Борьба вокруг налога коммуны на богатых в Париже имела важное политическое значение. В ее ходе в большинстве секции заметно ослабили позиции умеренных и Жиронды, массы отталкивал их антипатриотизм, классовый эгоизм. В то же время позиции Горы в секциях усилились, массы привлекал патриотизм якобинцев, принуждавших богатых отдавать прибыли на защиту нации, революции. Это ускорило формирование в мае широкого блока Горы и народных сил, свергнувшего Жиронду.

Но если в Париже и некоторых департаментах (Шер, Дуб, Коррез и др.) сбор принудительного займа шел довольно успешно, то в департаменте Мозель, как сообщали 26 мая якобинские комиссары Левассер и Субрани, под влиянием аристократии местная администрация саботировала его проведение.²⁵ Драматично сложилась ситуация в Лионе — «самом буржуазном» городе Франции, охваченном глубоким кризисом и массовой безработицей. Здесь введение налога в 6 млн ливров мужественными якобинцами (Шалье, Ашар и др.) для содержания революционной армии из 6 тыс. человек послужило одной из причин контрреволюционного заговора против якобинской коммуны Лиона (29 мая) и приходу к власти блока скрытых роялистов и крупных буржуа, опиравшихся на умеренную администрацию департамента Рона и Луара, на большинство секций Лиона (где подачки богачей деморализовали многих нуждавшихся санкюлотов).²⁶

Миллионеров, крупных торговцев, владельцев мануфактур Лиона тревожил не столько сам принудительный заем, сколько тот факт, что на эти деньги якобинцы планировали создать революционную армию, которая в основном должна была состоять из бедняков и безработных. Предполагалось, что армия останется в Лионе для борьбы с аристократами, «эгоистами», «подозрительными», т.е. с умеренными буржуа. Создание и содержание такой вооруженной силы из голодающего плебейства за свой счет крупная буржуазия сочла безумной затеей, равной самоубийству. Захватившие власть контрреволюционеры жестоко расправились со сборщиками налога, одного из них — Сотмуша, утопили в реке.

Тяжелое положение финансов, инфляция требовали принятия неотложных мер 20 мая на заседании Конвента Камбон предложил ввести на «богачей эгоистов» принудительный заем в 1 млрд ливров. Замысел Камбона состоял в том, чтобы «привязать» богатых к революции путем покупки ими земель эмигрантов (квитанции о внесении налога принимались при покупке этих земель).

Жирондист Ланжюинне признал предложение Камбона «мудрым и патриотичным». Но его мнение среди правых было исключением. Большинство лидеров Жиронды (Бюзо, Барбару, Вернье²⁸ и др.) яростно протестовали против предложения Камбона, считали, что это покушение на собственность, подрыв кредита, «безнравственная мера», которая оттолкнет от революции «достойных граждан» — торговцев, владельцев земель и мануфактур. Народ на трибунах шумом и негодованием встречал выступления лидеров Жиронды. Якобинцы (Огюстен Робеспьер, Марат и др.) обвиняли жирондистов в том, что они не хотят спасения республики. В напряженной обстановке Марату и Бареру с трудом удалось добиться формального (в принципе) одобрения Конвентом миллиардного принудительного займа для всех богатых, без дележ их на «эгоистов» и «патриотов».²⁹

Требование реализации миллиардного займа вошло в социально-политическую программу восстания 31 мая—2 июня. После победы восстания и прихода к власти Горы Конвент (21—22 июня) обсуждал конкретные способы осуществления этой меры, тогда и выявились разногласия в рядах Горы. Малларме предложил собирать налог со всех собственников пропорционально их доходам. Левый якобинец Женисье считал это явно недостаточным и предложил взимать налог не с годовых доходов, а со всего капитала богатых.³⁰ Радикальное предложение Женисье отвечало интересам плебейства.

Но эти предложения не встретили одобрения большинства Горы, стремившегося в июне привлечь собственников провинции на сторону Конвента. М.Робеспьер посчитал даже предложение Малларме «чрезмерным», не щадящим «средние сословия»³¹, т.е. мелкую и частично среднюю буржуазию, из рядов которой вышло много активистов Якобинского клуба и народных обществ. Соглашаясь с Робеспьером, якобинец Жанбон Сент-Андре предложил облагать налогом холостых с доходом более 6 тыс. ливров и семейных с доходом более 10 тыс. ливров. Конвент одобрил это предложение и подчеркнул: при сборе налога не трогать капиталы, собственность богатых, а лишь доходы.

Предложение Жанбона Сент-Андре в общем соответствовало политическому размежеванию в начавшейся гражданской войне: в якобинском лагере преобладали плебейство, малоимущие слои и мелкая буржуазия с годовым доходом до 6 тыс. ливров, в антиякобинском лагере (федералисты, роялисты) значительный удельный вес составляли собственники с доходом свыше 6—10 тыс. ливров, особенно крупные торговцы, банкиры³² и др.

Естественно, что неодобрение решения 21—22 июня исходило от федералистов. Богатые буржуа Нима (департамент Гар) увидели в миллиардном займе пугавший их «аграрный закон».³³ В Бордо (департамент Жиронда), где также были заметны федералистские тенденции, как сообщал в Париж якобинский комиссар Конвента Гаспарен (3 июля), негоцианты, крупные торговцы даже больше обеспокоены миллиардным займом, чем антижирондистским восстанием 31 мая—2 июня: «Они смотрят на заем как на подлинное нарушение, права собственности. Они говорят, что хотя заем и обеспечен национальными имуществами, но для покупки земель им придется тратить фонды, предназначенные для торговли. Они утверждают, что интересы торговли и республики противоречат этому займу на богатых».³⁴

Однако уже в середине августа финансисты Конвента подсчитали, что в проекте Жанбона Сент-Андре было преувеличено число богатых в республике: заем с дохода одних только «богачей» мог дать лишь около 200 млн ливров.³⁵ Необходимо было расширить категорию облагаемых налогом. Новый, окончательный декрет о способах реализации миллиардного займа, принятый 3—7 сентября 1793 г. в обстановке подъема народного движения в Париже («плебейский натиск» 4—5 сентября привел к установлению максимума цен и революционному террору), понижал шкалу «необходимого» в доходах для отца семейства с 10 до 1,5 тыс. ливров, на каждого члена семьи — до 1 тыс., для холостяков — с 6 до 1 тыс. ливров. Таким образом, понятие «излишки» в доходах расширялось (по сравнению с таковым же в июньском решении).

Мелкий буржуа в соответствии с новым декретом платил при годовом доходе 1,5 тыс. — 200 ливров, при доходе 2 тыс. — 300, при доходе 5 тыс. — 1500 ливров. Состоятельные слои, средние и крупные буржуа, платили гораздо больше: при годовом доходе 8 тыс. — 3,6 тыс ливров, при доходе 9 тыс. — 4,5 тыс. ливров, при доходе 10 тыс. — 5,5 тыс., при доходе 11 тыс. — 6,5 тыс., при доходе 100 тыс. изымалось более половины суммы и т. д.³⁶

Реализация займа в Париже шла с опозданием: слишком сложной и щекотливой оказалась работа комиссаров в секциях по составлению списков плательщиков и причитавшихся с них сумм. Эта кампания закончилась не в декабре, как предполагалось, а в феврале—марте 1794 г. Большая часть собранных денег в Париже пошла на обеспечение весеннего наступления республиканских войск. Их торжественно преподносили Конвенту в качестве патриотического дара «на разгром деспотов». Отличилась секция Лепелетье: сборщики-санкюлоты здесь всю «нажимали» на богатых — и в итоге вручили Конвенту (30 апреля) вместо требуемых 2350 тыс. ливров 2750 тыс., т.е. на 400 тыс. больше. Крупные суммы в марте—апреле 1794 г. преподнесли Конвенту и другие парижские секции — Брута (1600 тыс.), Братства (701 тыс.) и т.д.³⁷

В пропагандистских целях в ряде департаментов преувеличивали социальную роль миллиардного займа. Так, администрация департамента Пюи-де-Дом 6 брюмера II года (27 октября 1793 г.) в обращении к крестьянам назвала принудительный заем (вместе с разделом общинных земель) мерой, призванной «искоренить на нашей земле богачей, наглость которых еще более невыносима чем заносчивость дворян и священников».³⁸ «Искоренить богачей» заем никак не мог.

В. А. Гавриличев

ЯКОБИНЦЫ и ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ НАЛОГИ на БОГАТЫХ

весна—осень 1793 года

Vive Liberta и Век Просвещения 2009

Но в провинции некоторые комиссары Конвента в какой то степени исправляли очевидный недостаток займа 3—7 сентября - отсутствие помощи «неимущему классу» Так, Гио в Лилле в феврале 1794 г потребовал у комиссаров по сбору займа 225 тыс для экстренной помощи нуждавшимся патриотам. Эта сумма была взыскана с 65 наиболее богатых граждан Лилля (с годовым доходом от 10 тыс. до 90 тыс. ливров).³⁹ Знаменитые якобинские комиссары Конвента Фуше, Лапланш, Сен-Жюст и Леба по своей инициативе ставили и в известной мере решали задачу, о которой еще А.Олар писал так «Взять у богатых их излишек и отдать бедным, чтобы достигнуть своего рода уравниения имуществ».⁴⁰

Жозеф Фуше (1759—1820), депутат Конвента от департамента Нижняя Луара, будущий министр полиции Наполеона, осенью 1793 г примыкал к левому фланг) Горы, возглавляемом) Шомет том Находясь на родине Шометта в департаменте Ньевр с чрезвычайными полномочиями — для борьбы с федералистами, скупщиками, мобилизации волонтеров, — Фуше обратил внимание на дороговизну хлеба (он стоил на рынке 10 су за фунт), на глубокую нищету масс, на равнодушие богатых к бедствиям плебейства. И Фуше наносит удар по «возмутительному неравенству»: 1) 11 сентября издает постановление о введении в департаменте Ньевр низкой цены на хлеб (3 су за фунт), о выпечке одинакового хлеба для бедных и богатых — «хлеба равенства», 2) 19 сентября издает постановление о ликвидации «нищеты, позорящей народ» вводился принудительный налог на богатых пропорционально числу неимущих данного района, полученные суммы должны были идти на помощь неимущим, нищим, калекам либо на создание для них приютов («домов нации»), либо на оказание им помощи на дому, для реализации постановления в дистриктах были созданы комитеты надзора и филантропии из верных санкюлотов.⁴¹ Меры Фуше были полезны: хлеб был главным продуктом питания плебейства, а ликвидация нищеты в народном сознании того времени расценивалась как важный шаг на пути к «подлинному равенству». Фуше это хорошо понимал и в прокламации от 24 сентября, объясняя мотивы введения принудительного налога на богатых, подчеркивал: «Равенство, которое требует народ не должно быть для него обманчивой иллюзией».⁴²

Комитет общественного спасения одобрил курс Фуше на введение принудительных налогов на богатых «Это средство общественного спасения является в то же время мерой ограждения личности от справедливого гнева народа, который уже не в состоянии более сносить невыносимую нужду», — писали члены Комитета Фуше.⁴³

Вдохновителем и горячим сторонником уравнительных мер Фуше был Шометт Идейная близость Фуше и Шометта укрепилась в ходе пребывания прокурора коммуны Парижа в Невере, главном городе департамента, с 17 по 23 сентября. Как признавался Шометт, в те дни он «дал Фуше некоторые советы, которые тот использовал».⁴⁴ Несомненно, идея постановления о ликвидации в департаменте Ньевр нищеты принадлежала Шометту, давно занимавшемуся этой проблемой. В глазах Фуше Шометт тогда был в ореоле славы лидера «великой коммуны Парижа». [см. о миссии Фуше статью Я.Захера http://vive-liberta.narod.ru/journal/fouchet_zakher.pdf]

В Париже Шометт неоднократно выступал с похвалой политике нажима на богатых, проводимой в Невере «народным представителем Фуше». Он добился от коммуны поддержки и реализации в Париже постановления Фуше от 11 сентября. С начала декабря 1793 г в столице за счет специального налога на богатых стали выпекать и выдавать по карточкам «хлеб равенства» (на 3/4 из пшеничной муки, на 1/4 из ржаной). Тем самым Шометт и коммуна хотели успокоить народ Парижа, возмущенный неравенством ранее хлеб для богатых выпекался из хорошей муки, для бедных — из отрубей.

Главной задачей было добиться поддержки и реализации в Париже постановления Фуше от 19 сентября — о ликвидации нищеты Шометт неоднократно выступает в Генеральном совете на эту тему 26 сентября, сразу после возвращения из Невера, он, делаясь свежими впечатлениями, рассказывал, что там «обездоленный получает положенную ему помощь без всякого унижения». По примеру Невера Шометт предложил создать в Париже «дома нации» — приюты для бедняков — за счет принудительного обложения богатых налогом. И хотя Генеральный совет с энтузиазмом встретил это предложение, практически удалось сделать немного.⁴⁵

Опорой Фуше в департаменте Ньевр стал организованный из санкюлотов отряд «революционной армии», который содержался за счет принудительных платежей с богатых и отбирал. У них в качестве налогов часть денег, одежды, продуктов, вызывая одобрение местных активистов.⁴⁶ В Париж шли письма, в которых в радужных тонах рисовалась «победа равенства» в Ньевре. Об одном из таких писем охотно рассказал Шометт на заседании Генерального совета 11 брюмера (1 ноября 1793 г.) «Мне пишут, что в этой области нет больше ни дворян, ни священников, ни богатых. Было найдено средство покончить с нуждой, предоставив помощь всем несчастным, калекам и нищим» А.Собуль, обративший внимание на это выступление Шометта, справедливо отмечает, что дело ограничилось словами, провозглашением принципов - не более.⁴⁷

И авторы писем, и сам Шометт явно выдавали желаемое за действительное. Принудительный налог лишь временно облегчал бедственное положение части плебейства. Но он не мог искоренить нищету, не мог прекратить бурное обогащение буржуазии. И не случайно весной 1794 г. из Ньевра в Париж стали поступать сигналы, что здесь углубились социальные контрасты между богатыми и бедными в деревне.⁴⁸

Коммуна Парижа, уступая настойчивым призывам Шометта 23 ноября (3 фримера II года) приняла постановление об искоренении нищеты в Париже. Оно во многом повторяло текст важного лионского постановления Фуше и Колло д'Эрбуа от 14 ноября (Фуше с 7 ноября был уже в Лионе). Богатых принуждали платить «революционный налог» пропорционально их имуществу и антигражданскому поведению, полученные деньги, одежда, продукты шли на содержание нетрудоспособных неимущих, престарелых, калек, на обеспечение работой трудоспособных безработных.

Парижское плебейство обрадовалось. Но надежды не сбылись. То, что подходило для наказания многочисленных зажиточных контрреволюционеров (федералистов, роялистов) мятежного Лиона — «Освобожденного города», не вполне подходило для революционного Парижа. Конвент помешал коммуне устанавливать «революционный налог» на собственников столицы.

Значительный интерес представляет миссия земляка Шометта левого якобинца Жака Леонара Лапланша (1755—1817) в департаменты Шер и Луаре осенью 1793 г. Посланный туда с чрезвычайными полномочиями для проведения массового набора, т.е. для выполнения декрета Конвента от 23 августа, Лапланш начал с того, что очистил в центрах департаментов — Орлеане и Бурже — местные органы власти от умеренных, прожирондистских элементов, освободил из тюрьмы плебейского агитатора приходского священника Пти Жана, сторонника «общности имуществ».⁵⁰

На административные должности в департаментах Шер-и-Луаре Лапланш выдвинул ревностных якобинцев, членов народных обществ, ремесленников, рабочих, мелких торговцев и др. При содействии новой патриотической администрации он 22 сентября «в соответствии с размерами богатства и нуждами бедняков» обложил «революционным налогом» богачей Орлеана (Лекуте — 50 тыс., владельца сахарного завода Лефрана — 20 тыс., буржуа Жюга — 30 тыс. ливров и т.д.). Богачи из страха повиновались. Заметим, что Лапланш облагал налогом все имущества, все капиталы богатых, — существенная деталь.

Лапланш рассматривал принудительные налоги как средство материального укрепления демократической власти и облегчения нужд рекрутов и санкюлотов. Осенью 1793 г он отстаивал интересы не только революционной буржуазии, но и в известной степени плебейства. «Богачи объявили нам войну, богачи и оплатят ее вплоть до мелких расходов», — сообщал Лапланш в сентябре в Конвент. Он приказал за счет богачей ассигновать народному обществу и коммуне Орлеана соответственно 40 и 49 тыс. ливров.⁵¹ Столь же твердо действовал Лапланш в Бурже 28 сентября он зачитал длинный список собственников, подлежащих принудительному обложению в целях создания общественной кассы благотворительности для снабжения рынков продуктами, помощи семьям солдат, неимущим патриотам. Богатые должны были в недельный срок внести деньги, в противном случае им не выдавались свидетельства о политической благонадежности (т.е. они попадали в разряд «подозрительных»).

Некоторые буржуа, заранее приглашенные на заседание, демонстрировали патриотизм. Шеню внес в кассу благотворительности вместо 600 ливров 1 тыс., Гамбон — 600, Мобранш — 1,2 тыс., Буен — 800 ливров. Лапланш приказал занести в протокол заседания одобрительный отзыв об этих буржуа, которые пер выми откликнулись на приказ комиссара Конвента.⁵³ Так поощрялись те немногие буржуа, которые хотя бы пытались создать впечатление, что они не против принудительного налога

Об этом заседании в Бурже Лапланш сообщал 29 сентября Комитету общественного спасения. «Мои революционные налоги — материальная сила. Бедные меня благодарят, а богачи проклиняют. Налог, который я установил вчера для закупок продовольствия и оказания помощи нуждающимся семьям наших храбрых защитников, доведен до 800 тыс. ливров. Судите сами, имею ли я сторонников среди народа и революционны ли эти средства, если они падают только на богатых и завоевывают сердца на сторону Конвента».⁵⁴

Спустя день Лапланш информировал из Буржа: «Мои революционные налоги достигли примерно 1 млн ливров, отовсюду поступают добровольные взносы. На улице раздаются возгласы "Да здравствует республика! Да здравствует Гора!"»⁵⁵

Уполномоченный Лапланша Бувье в начале октября побывал в дистрикте Вьерзон и убедился в патриотизме и старательности местных кузнецов. От имени Лапланша Бувье дал им 300 ливров. К 5 октября Бувье собрал в этом дистрикте 249 тыс ливров.⁵⁶ В дистрикте Сансерр помощники Лапланша собрали с богатых 313 тыс. ливров.

Часть полученного в короткий срок Лапланшем и его помощниками 1,5-миллионного чрезвычайного налога была выделена на нужды плебейства. Сам Лапланш с удовлетворением сообщал 4 октября Комитету общественного спасения: «Завтра я буду раздавать по 20 ливров каждому из 5000 или 6000 неимущих санкюлотов. У многих народных обществ есть долги и различные нужды. И эти нужды будут покрыты . Учреждением революционной кассы благотворительности я как бы открыл постоянный рог изобилия. Теперь недоброжелатели могут клеветать на меня. Я принес пользу гражданам за счет богатых».⁵⁷

О распределении денег среди санкюлотов Буржа Лапланш сообщал и 6 октября в радостном, даже восторженном духе: «Вчера произошло это распределение, полезное и благотворное для бедняков нашего города Сколько похвал звучало в адрес Конвента Никогда еще неимущий класс и трудящиеся не были так состоятельны и так счастливы Как они были довольны, принося домой 30, 50 и даже 100 ливров для своих больших семей!»⁵⁸ По приказу Лапланша значительные суммы денег были выделены народным обществам, больницам и т.д.

Если санкюлоты горячо одобряли меры Лапланша, то богачи, умеренные, естественно, питали к якобинцу-депутату с трудом скрываемую ненависть. На руку умеренным было выступление против Лапланша депутата Горы комиссара Севера, который сообщил 30 сентября в Конвент о том, что Лапланш якобы путем произвола собрал громадные суммы в городах и деревнях. Лапланш был огорчен: «Я счел бы простительным, если бы донесли презренные жабы Болота, которые только и знают, что изрыгать клевету, бесчестить наиболее деятельных якобинцев, выполняя губительные для свободы планы Питта и Кобурга», — писал Лапланш 4 октября Комитету общественного спасения.⁵⁹

Лапланш не оправдывался — он с гордостью защищал свои мероприятия. «Да, граждане коллеги... я всюду сам облагал революционными налогами богачей и аристократов... Равным образом я приказал моим уполномоченным следовать моему примеру. Я горжусь этой революционной мерой! Разве не справедливо, чтобы эгоисты, алчные спекулянты, скупые аристократы оплачивали издержки войны, которую они объявили нам? Разве допустимо, чтобы при господстве равенства дворяне, торговцы, священники, владельцы замков и дворянских грамот утопали в изобилии, а патриоты терпели нужду во всем и не имели продовольствия вследствие скупок богачей?

Нет, граждане, Декларация прав — не пустой звук. Моя миссия поручена мне Конвентом как миссия революционная, поэтому я действовал революционно, хотел заставить всех „подозрительных“ и богатых контрреволюционеров искупить, насколько возможно, их преступления путем крупных и немедленных денежных пожертвований. Припоминаю, что мой коллега Дюмон (из Соммы) держится такой же линии в своем департаменте и Конвент ее одобрил».⁶⁰

Отличная для своего времени защита принудительных налогов! Лапланш, бывший епископский викарий, бесспорно, был ярким проводником санкюлотской уравнилельной линии — заставить богатых служить революции и плебейству. Он подчеркивал, что «только богачи обложены революционными налогами в соответствии с размерами их состояний и особенно — с их антигражданским поведением. Хочу обратить ваше внимание на то, что обложение вовсе не является произвольным, поскольку оно установлено на публичном заседании, в согласии с мнением народа, народными обществами и патриотическими властями. Руки народного представительства так же чисты, как и защищаемое им великое дело».⁶¹

Комитет общественного спасения одобрил действия Лапланша, который проявил и твердость, и революционную смелость, и чувство реализма. Понимая важность объединения всех национальных и патриотических сил в критических военных условиях осени 1793 г., Лапланш продажей эмигрантских земель (с учетом лояльности буржуа при выплате суммы налогов) старался не оттолкнуть от республики часть крупных и средних собственников. Но его симпатии явно были на стороне санкюлотов. «Я знаю, — говорил Лапланш на публичном собрании в Бурже 28 сентября 1793 г., — что „богатство“ санкюлотов — в их мужестве, старании, в готовности пожертвовать своими талантами, досугом и даже своей жизнью».⁶² Опора на санкюлотов привела к быстрому выполнению декрета о массовом наборе, относительно строгому соблюдению закона о максимуме.⁶³

Распределение собранных в результате принудительного «революционного налога» денежных средств среди санкюлотов усиливало доверие масс к Конвенту, к якобинской власти. Материальная помощь представителя центральной власти вызвала, как верно писал Лапланш, «значительный подъем общественного мнения и бодрость патриотов» департаментов Шер-и-Луаре.⁶⁴

Миссия Лапланша сыграла важную роль в подавлении прожирондистских сил, в установлении режима революционной диктатуры в провинции. Она потребовала от левого якобинца Лапланша огромного напряжения сил. В одном из писем он признавался, что пребывание в департаменте Луаре принесло ему много горя и забот.⁶⁵

Большой интерес представляет деятельность робеспьеристов Сен-Жюста и Леба в качестве комиссаров Конвента в Рейнской армии осенью 1793 г. Как и Лапланш, они имели чрезвычайные полномочия, распространявшиеся на департаменты Нижний Рейн и Мерт, т.е. на территорию Эльзаса со смешанным французско-немецким населением. Положение здесь было критическим: австрийцы наступали, был осажден Ландау, республиканская армия по словам Сен-Жюста и Леба, «казалось, находилась в безнадежном состоянии, лишённая продовольствия и одежды, командиров и дисциплины». В главном городе департамента Нижний Рейн Страсбурге «отсутствовал какой бы то ни было порядок, бедняки стонали под гнетом богачей».⁶⁶

Комиссары с необычайной энергией взялись за дело. За первые 8 дней их пребывания в Страсбурге (22—30 октября) на город и армию обрушилась лавина распоряжений и приказов, целью которых было быстро навести порядок в Рейнской армии, реорганизовать ее, превратить Страсбург из ненадежного оплота богачей и замаскированных сторонников неприятеля в надежный центр обороны. Они организовали в Саверне Революционную комиссию из патриотов, призванную бороться с агентами и сторонниками австрийцев, армия начала снабжаться зерном, хлебом, одеждой обувью (были реквизированы 10 тыс. пар сапог, 15 тыс. рубашек у состоятельных граждан), нарушители военной дисциплины были арестованы, на командные посты выдвинуты способные патриоты, в борьбе со спекулянтами был введен строгий максимум и т.д.⁶⁷

10 брюмера II года (31 октября 1793 г.) на улицах Страсбурга был расклеен текст постановления Сен-Жюста и Леба о принудительном займе в 9 млн ливров, налогом облагались 188 состоятельных граждан, первым в списке значился крупнейший владелец железоделательных заводов Дитрих (бывший мэр Страсбурга, близкий к Жиронде), на него налагалась сумма в 300 тыс. ливров, последние в списке граждане обязаны были заплатить от 4 до 10 тыс. ливров. «Сумма займа должна быть внесена в течение 24 часов 2 млн из общей суммы пойдут на оказание помощи неимущим патриотам Страсбурга, 1 млн будет использован на укрепление крепости и 6 млн будут внесены в кассу армии», — говорилось в постановлении Комитету надзора и казначею армии предписывалось брать с богачей суммы не обесцененными ассигнатами, а полновесными деньгами⁶⁸ (существенный момент)

Большинство зажиточных граждан довольно скоро внесли требуемые суммы. Но некоторые богачи медлили. Сен-Жюст и Леба в приказе от 17 брюмера (7 ноября) пригрозили миллионерам, что выставят их на эшафоте, а затем заключат на месяц в тюрьму.⁶⁹ Угрозы подействовали. Так, крупный торговец Маньо поспешил внести причитающуюся с него сумму — 250 тыс. ливров. Учитывая это, комиссары просили общественного обвинителя не наказывать его.⁷⁰

«Богачи воют, но платят. Угроза гильотины — вот что заставляет их шевелиться», — сообщал из Страсбурга министру внутренних дел секретный наблюдатель.⁷¹

Постановление Сен-Жюста и Леба от 10 брюмера о принудительном займе было послано в Комитет общественного спасения Робеспьеру. Вскоре Барер зачитал его в Конвенте, и оно было одобрено депутатами.⁷²

По мере поступления сумм займа Сен-Жюст и Леба распоряжались об их частичной выдаче неимущим патриотам Страсбурга. Так, 15 брюмера (5 ноября) мэру Страсбурга, молодому якобинцу Монэ, было поручено немедленно распределить 100 тыс. ливров «между различными секциями города, чтобы поддержать неимущих патриотов, вдов и сирот солдат, погибших за дело свободы» 22 брюмера (12 ноября) по приказу комиссаров Конвента муниципалитет Страсбурга по главе с Монэ получил 500 тыс. из сумм займа «для оказания немедленной помощи неимущим семьям города».⁷³ Кроме того, Монэ предписывалось выделить небольшие суммы для помощи патриотам, семьям защитников отечества в местечках Матзенем, Вестхозен, Швехозен и др.⁷⁴

И позднее, в период наступления на интервентов, комиссары Конвента оказывали нажим на богатых Так 23 фримера II года (13 декабря 1793 г.) в Цаберне по приказу Сен-Жюста и Леба был введен чрезвычайный налог на зажиточных граждан в 300 тыс. ливров, из них 100 тыс. пошли на помощь «нуждающимся гражданам».⁷⁵

Неудивительно, что санкюлоты Эльзаса горячо поддерживали действия Сен-Жюста и Леба. Материальная помощь неимущим и нуждающимся ободрила народ, вызвала прилив патриотической энергии у санкюлотов и якобинцев Страсбурга. Чувством глубокого удовлетворения проникнуто воззвание мэра города Монэ: «Поднимись, народ, и возблагодари свою судьбу. В Страсбурге исчезнет торгашеский дух, и его сокровища будут обращены на твои нужды. Слезы богача-эгоиста станут радостью для добродетельного санкюлота, приносящего пользу отечеству. Бедняки и уважаемые семьи защитников родины, наступил конец вашим долгим лишениям... признательная Республика гарантирует вам имущество за счет возмутительных излишков бесчувственного богача».⁷⁶

Этот курс нажима на богатых поддержал и Робеспьер. Выступая 1 фримера (21 ноября) в Якобинском клубе, он подчеркнул, что Сен-Жюст и Леба в Страсбурге «раздели богатых, чтобы прикрыть и одеть бедных. Это пробудило революционные силы и патриотическую энергию. Аристократы были гильотинированы...»⁷⁷

21 брюмера (11 ноября) Сен-Жюст и Леба издали приказ о проведении в главном городе департамента Мерт Нанси принудительного займа в 5 млн ливров. В приказе говорилось, что богачи Нанси «пребывают в праздности», в то время как солдаты Рейнской и Мозельской армии испытывают нужду и «проливают кровь». Комиссары предписывали Комитету надзора Нанси и агенту Исполнительного совета Ранкэну в трехдневный срок со брать по списку с богатых граждан указанную сумму, 4 млн предполагалось потратить на нужды армии, 1 млн — на нужды неимущих патриотов.⁷⁸

Умеренный депутат Конвента Фор, находившийся в ноябре в Нанси, жаловался в письме Робеспьеру на то, что Сен-Жюст и Леба, не советуясь с ним, «разоряют город налогами».⁷⁹

Сен-Жюст и Леба, неустанно заботясь о нуждах армии и семей солдат и офицеров, выделили из сумм принудительного займа 20 тыс. ливров на укрепление страсбургской крепости (21 брюмера), 4 тыс. — на экипировку 11-го полка (24 брюмера); вдовам солдата Дидье и гусара Кестрие, отдавших жизни за отечество, пособие в 300 и 2000 ливров. Храбрость и мужество солдат и офицеров Рейнской армии также поощрялись Сен-Жюстом и Леба из сумм принудительного займа. Так, 17 брюмера (7 ноября) 1000 ливрами за храбрость были награждены два артиллериста и волонтер; 24 брюмера (14 ноября) 3300 ливрами за мужество - капитан 5-й роты конной артиллерии Раффи, потерявший в бою руку и «все, что имел».⁸⁰

На эту заботу комиссаров Рейнская армия ответила в декабре 1793 г. победой над интервентами.

Принудительные налоги на богатых сыграли заметную роль в 1793 г. в укреплении обороны республики, в облегчении материального положения тысяч семей волонтеров, солдат и неимущих. Взимание налогов с богатых усиливало патриотизм и революционную энергию санкюлотов, их борьбу с «аристократами», умеренными, сторонниками Жиронды. Так, в мае в Париже введение принудительного налога способствовало сближению в секциях якобинцев с народом. И, напротив, отказ якобинцев от широкого проведения налогов на богатых весной 1794 г. способствовал разочарованию масс, ослаблению их революционной активности, ослаблению связей якобинцев с народом.

В формировании якобинской политики принудительных налогов большую роль сыграли как бюджетные трудности, так и тяжелое военное положение республики. Но не меньшую роль играли и эгалитарные настроения масс, осуждение ими вопиющего неравенства в распределении тягот войны между бедным и богатым. Фуше осенью 1793 г. стремился заставить «богача-эгоиста» не только финансировать наборы солдат, но и оказывать помощь «неимущему классу», даже ликвидировать нищету — последнее было, конечно, утопией. Поистине универсальное средство (помощь беднякам, народным обществам, больницам и др.) видел в «революционных налогах» Лапланш. Сен-Жюст и Леба эффективно использовали займы для укрепления боеспособности Рейнской армии и помощи плебейству в тылу. Важное значение имела поддержка революционным правительством во главе с Робеспьером курса на обложение богатых налогами.

Будучи одним из показателей подъема, углубления буржуазной революции осенью 1793 г. принудительные налоги вместе с тем показали невозможность остановить бурное обогащение буржуазии, иллюзорность надежд революционеров (Шометт и др.) добиться «равенства», ликвидации нищеты путем введения налогов на богатых в условиях крепнувшего буржуазного общества во Франции.

1 Робеспьер М. Избр. произведения. М., 1965. Т.2. С.251.

2 Reimpression de l'ancien Moniteur. In 21t. P.1850—1854. T.15. P.66 (далее - Moniteur).

3 Bouchez Ph.J., Roux P.S. Histoire parlementaire de la Revolution francaise on Journal des Assemblees rationales depuis 1789 jusqu'en 1815. In 40t. P.1834-1848. T.25. P.16-17.

4 Ibid. P.49.

5 Recueil des actes du Comite de salut public avec la correspondance officielle des representants en mission et le registre du Conseil executif provisoire. Par A.Aulard. In 27t. P.1889-1933. T.2. P.524-525. T.3. P.248.

В. А. Гавриличев

6 Далин В.М. Люди и идеи. М., 1970. С.40.

7 Recueil des actes. T.2. P.428—429.

8 Ibid. T.3. P.395, 439—440.

9 Робеспьер М. Указ.соч. Т.2. С.3.

10 Moniteur. 1853. T.16. V.239. Huques P.E. Un impot extraordinaire sur le revenu sous la Revolution Histoire de la «Contribution patriotique» dans le Bas Langue (dept de 1 Herault). 1789-1815. P.1919.

11 Buhez Ph.J., Roux P.S. Op.cit. T.26. P.176-180.

12 Discours de Danton. Ed. critique par A.Friebourg. P., 1910. P.412-416.

13 Petersen S. Lebensmittelfrage und revolutionare Politik in Paris 1792—1794. Munchen, 1979. S.56, Archives parlementaires. Ser.1. T.62. P.620 (далее - AP).

14 Олар А. Политическая история французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики, 1789—1804. М., 1938. С.551.

15 По верному наблюдению якобинца Р.Левассера, Дантон «несмотря на то, что находился на вершине Горы, до известной степени был вождем Болота» (Levasseur R. Memoires, Bruxelles, 1830. T.1. P.168). К.Маркс дословно выписал это суждение Левассера. См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 1-е изд Т.3. С.609.

16 Ру Ж. Речь о причинах несчастий Французской республики Французский ежегодник, 1959. М., 1962. С.562. http://vive-liberta.narod.ru/journal/roux_markow.pdf

17 Buhez Ph.J., Roux P.S. Op.cit. T.26. P.399, 400.

18 Chronique de Paris 1793. 18 mai. N 133.

19 Mellie E. Les sections de Paris pendant la Revolution francaise. P., 1898. P.137.

20 Ibid. P.200.

21 Moniteur. 1853. T.16. P.302 334.

22 Die Sansculotten von Paris Dokumente zur Geschichte der Volksbewegung 1794—1794. Hrg von W.Markow, A.Soboul. B., 1957. S.44—47, 52—54, 58—59.

23 Discours de Danton. P.422—423.

24 Цит. по Buchez Ph.J., Roux P.S. Op.cit. Т.27. P.249—250.

25 Recueil des actes. Т.4. P.338-339.

26 О лионских событиях см. Riffaterre G. Le mouvement antijacobin et antipansien a Lyon. P., 1912. Т.12. Маркова В.Д. Народное движение в Лионе (20 сентября 1792—29 мая 1793 г.) Учен.зап. МГПИ им.В.И.Ленина. 1949. Т.58. вып.2. С.38—57.

Работу Марковой можно прочитать в нашей библиотеке:

http://vive-liberta.narod.ru/journal/mark_lion_1.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/journal/mark_lion_2.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/journal/mark_lion_3.pdf

27 Некоторые новейшие французские авторы иронически освещают усилия Сотмуша при сборе налога (см. Champdor A. Lyon pendant la Revolution. Lon 1983. P.55).

28 Вернье — депутат от департамента Юра (не путать с Верньо — лидером жирондистов, депутатом от Жиронды)

29 AP. Ser.1. Т.66. P.122—130, Buchez Ph.J., Roux P.S. Op.cit. Т.27. P.142—149.

30 Moniteur. 1853. Т.16. P.722—723.

31 Робеспьер М. Избр.произведения. Т.3. С.24.

32 Гордон А.В. Федералистский мятеж (Из истории гражданской войны во Франции летом 1793 г.) Французский ежегодник, 1967. М., 1968. С.102—103. <http://vive-liberta.narod.ru/journal/gordon6.pdf>

33 Rapports des agents du ministre de l'interieur . P., 1913. Т.1. P.348.

34 Recueil des actes. Т.5. P.160—161.

35 Stourm R. Les finances de l'ancien regime et la Revolution P., 1885. Т.2. P.372.

36 AP Ser 1 T 73 P 351—354

37 Ibid. Т.89. P.155 496—497. Die Sansculotten von Paris. S.304-305.

38 Адо А.В. Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII в. М., 1971. С.365.

39 См. Олар А. Указ.соч. С.556, 554.

40 Там же. С.554.

41 Madeltn L. Fouthe (1759—1820). P., 1913. Т.1. P.94—96.

42 Прокламацию Фуше от 24 сентября высоко оценил в 1795 г. Г.Бабеф. См. Бабеф Г. Соч. М., 1979. Т.3. С.516.

43 Цит по Матьез А. Французская революция. М., 1930. Т.3. С.73.

44 Moniteur. 1854. Т.17. P.761.

45 Ibid. P.761-762, Madeltn L. Op.cit. Т.1. P.114—115.

46 Cobb R. Les armees revolutionnaire. P., 1963. Т.2. P.618—620.

47 Собуль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966. С.260.

48 Адо А.В. Указ.соч. С.348.

49 Moniteur. 1854. Т.18. P.505.

50 Адо А.В. Указ.соч. С.306. Recueil des actes. Т.7. P.17—18.

51 Recueil des actes. Т.7. P.18.

52 Ibid. P.19.

53 Mautouchet P. Le gouvernement revolutionnaire. P., 1912. (N 58).

54 Recueil des actes. Т.7. P.121.

55 Ibid. P.145.

56 Ibid. P.262.

57 Ibid. P.219.

58 Ibid. P.263.

59 Ibid. P.221.

60 Ibid. P.221—222.

61 Ibid. P.222.

- 62 Mautoaihet P. Op.cit.
- 63 Матьез А. Борьба с дороговизной. С.292—294.
- 64 Recueil dcs actes. Т.7. Р.18—19.
- 65 Ibid. Р.219.
- 66 Moniteur. 1854. Т.18. Р.513.
- 67 Переписка и деловые документы народных представителей Сен-Жюста и Леба. Собуль А. Из истории Великой буржуазной революции 1789—1794 гг. и революции 1848 г. во Франции М., 1960. С.287—314. Док.1—81.
- 68 Там же. Док.82, 203.
- 69 Там же. Док.213.
- 70 Там же. Док.236.
- 71 Soboul A. Sur la mission de Saint-Just a l'armee du Rhin (brumaire an II). Annales historiques de la Revolution francaise. 1954. N 137. Р.320.
- 72 Moniteur. 1854. Т.18. Р.340.
- 73 Переписка. Док.180, 257. Herrmann L. Elsas im Jahre 1793. Strassburg. 1894. S.461.
- 74 Переписка Док.258, 299, 300.
- 75 Hermann L. Op.cit. S.531.
- 76 Собуль А. Из истории Великой буржуазной революции. С.163—164.
- 77 Moniteur. 1854. Т.18. Р.490.
- 78 Переписка. Док.241.
- 79 Робеспьер М. Переписка. Л., 1929. С.254.
- 80 Переписка. Док.237, 292, 183, 223, 219, 304.